

этом даже сами смотрели друг на друга как на шутов гороховых. Какой же «новый путь» вообще был возможен при таком руководстве?!

В конечном итоге исследования, проводившиеся в «Управлении Розенберга», не дали ничего такого, что пошло бы на пользу не только мировой науке, но хотя бы даже самому нацистскому режиму. Не удивительно, что его глава не добился большего, чем внешние признаки показного уважения. Яркий факт этого рода: после оккупации Франции Розенберг сумел вытребовать у местных властей, зависевших от СС, лишь право получать от них любые рукописи, имевшие какое-либо отношение к мистике (например, тамплиерские). Тем не менее за все 4 года оккупации ему не передали ни одного листка (Деларю 1994).

1.4. Наместник на Востоке

*...Стояли виселицы в ряд.
Меж ними двигалась фигура,
Воя о зверском грабеже...
“Так, так! — мудрец промолвил хмуро, —
К несчастью, вижу, что культура
Здесь утвердилась уже!
<...> Вот о какой такой культуре
Мечтают эти подлецы!*

Демьян Бедный

Применение Розенбергу нашли с началом войны на Востоке. Как знаток России, 17 июля 1941 г. он стал-таки министром — по делам оккупированных восточных территорий. Деятельность на этом посту и привела его после Победы на Нюрнбергскую скамью подсудимых.

Что же вскрылось на этом процессе? Сам Розенберг и его адвокат — доктор Томá — утверждали, что министр, как гражданский наместник, практически был лишён полномочий. Ему не подчинялись ни армия, ни полиция, ни экономические, ни партийные органы. Авторитет Розенберга к этому времени упал до нуля. Мавр сделал своё дело — создал философию расовой ненависти, и теперь даже спрашивать его мнение по любому вопросу было уже излишне. Так, в апреле 1941 г. Гитлер (как утверждает Тома) внезапно вызвал будущего министра Востока к себе и сообщил о предстоящей войне с СССР. «Розенберг оказался тогда, как он об этом сообщил в своих показаниях, перед свершившимся фактом, и его попытки вообще сказать что-либо по данному поводу были пресечены фюрером, сделавшим замечание, что приказы всё равно уже отданы и что дела не изменишь...» (НП V: 690—691).

Но пост он всё-таки принял. Почему? Через пять лет, уже в Нюрнберге, стенограмма отмечает:

«*Руденко*: Мы предъявляем этот документ под номером СССР-117. В этом письме вы высказали свою обиду в связи с назначением подсудимого Риббентропа министром иностранных дел. Правда это?

Розенберг: Да, да.

Руденко: Вы считали, что таким министром иностранных дел гитлеровского кабинета могли быть вы. Это правда?

Розенберг: Да. Я не считаю чем-либо порочащим меня то, что после стольких лет деятельности я выразил желание быть использованным на государственной службе в Германской империи» (НП V: 175).

А «государственная служба», видимо, включала посты не ниже министерского. Но при этом, по его собственным утверждениям, Розенберг получил синекуру без реальной власти. В его управлении находились два громадных рейхскомиссариата: Остланд (Прибалтика с Белоруссией) и Украина. Но их наместники (соответственно Лозе и Эрих Кох) по всем вопросам обращались лично к Гитлеру, минуя своего министра. Это была обычная практика рейха, различные чины и службы которого грызлись, как пауки в банке. Это позволяло Гитлеру контролировать их всех, а им самим — выдавать эту карьерную борьбу за принципиальные разногласия, сваливая перед трибуналом вину друг на друга. Розенберг делал это очень охотно — и даже не без оснований. Выходило, что он ни от кого ничего не мог потребовать, по любому вопросу должен был лишь писать отношения к коллегам, ему не подчинённым, и если даже отдавал какие-то приказы, то понятия не имел, как они исполняются. Конечно, в таких условиях он не мог бы сделать ничего полезного, даже если бы (если бы!) хотел. Но ни одно правительство XX века не стало бы долго держать такого министра.

Действительно, СС боролось с министром оккупированных территорий, план которого предусматривал хотя бы относительную самостоятельность некоторых национальностей и тем противоречил генеральному плану (Kistler 1991: 65). Даже в приговоре было отмечено:

«В отдельных случаях Розенберг возражал против эксцессов и зверств, совершавшихся его подчинёнными и особенно Кохом, однако эти эксцессы продолжали иметь место, и Розенберг оставался на своём посту до конца» (НП VII: 455).

Следствию было представлено письмо на его имя, автор которого отмечал, что сожжение людей в сараях вредит имиджу германских властей — служит антирекламой, чёрным пиаром, как сказали бы в наши дни. Наместник не мог этого не понимать, и в связи с этим Тома говорил:

«Господин обвинитель Брудно 9 января 1946 г. упрекает подсудимого в том, что если последний и протестовал, то он протестовал не по каким-либо гуманным соображениям, а в силу политической целесообразности. На это я могу сказать: не следует без достаточных оснований лишать подсудимого Розенберга всех человеческих качеств» (НП V: 698).

Человеческих? О да: «человеческих, слишком человеческих». Может быть, он даже страдал оттого, что его философия требует таких ужасных практических следствий. Так же как Гитлер был вегетарианцем, жалел овец и коровок. Но почему это не мешало ему вести политику, для которой слово «людоедская» — слишком мягкое? И какое до этого дело его жертвам?

Что тому, кого убили вчера,
от утехи, что его палачам
кофе кажется невкусным с утра
и не спится иногда по ночам?

И. Губерман

Допустим даже, что это правда. В конце концов, ни один преступник не появился на свет сразу законченным кровопийцей. Очень мало кто сознательно творит зло — чаще человек уверяет сам себя до последней возможности, что творит добро,

даже вопреки очевидности. Послушайте блатной фольклор: хоть один его герой признаётся, что убийство или кража — зло? Попевка всегда одна: не я виноват — так само сложилось. Следовательно рад новой звёздочке, прокурор — злодей, жертва моя — лох (таких только учить), товарищи предали, но сам я — честный вор! Допустим и здесь: хоть деяния Розенберга — бесспорное зло, сам он мог этого и не понимать. Или не желать понять.

Но даже при таком отношении к жизни, если начальник не может ни одобрить поведение своих подчинённых, ни унять их, долг чести — той самой чести, которую Розенберг так часто поминает в своей главной книге, — обязывает его хотя бы умыть руки. Ещё двадцать три века назад Мэн-цзы спрашивал сановника Кун Цзюйсиня: если пастух, получивший от хозяина стадо в аренду, не найдёт для него корма, — что он должен сделать: вернуть стадо хозяину — «или вот так же будет стоять и смотреть, как они гибнут?» И Кун Цзюйсинь признал, что «это моя вина»: раз уж он не может хорошо править своей областью (по независимым от него причинам, чего и Мэн-цзы не отрицал), то обязан был хотя бы подать в отставку, признав свою неспособность (Мэн-цзы, II, 2,4). Розенберг не сделал и этого. Как утверждал Тома, он не ушёл лишь потому, что хотел выполнить свои обязанности перед родиной. Но если он хоть что-нибудь мог сделать, что же это было? А если ничего — при чём тут обязанности?

Например, в июле 1942 г. М. Борман писал ему:

«... славяне должны на нас работать, а те, кого мы не можем использовать, пусть умирают. Заботиться об их здоровье излишне. Плодовитость славян нежелательна. Образование опасно. Достаточно будет, если они смогут считать до ста. Каждый образованный человек — наш враг в будущем. Религию мы оставим им как средство отвлечься...» (НП V: 696).

Что же сделал Розенберг, пытавшийся представить себя защитником местного населения? По мнению Тома, он мог лишь «выразить внешнее согласие и сделать кажущуюся уступку <...> он согласился с этим только потому, чтобы успокоить Бормана и Гитлера...» (там же). Жизни миллионов славян стали пешкой в ведомственной борьбе. И не только славян. И вот это-то экс-министр называл «духовным завоеванием народов Восточной Европы» (НП VII: 279)?

Впрочем, 12 октября 1944 г. Розенберг подал-таки прошение об отставке — правда, не лично Гитлеру, а через начальника рейхсканцелярии Г. Г. Ламмерса. Хотя явно поздно: по замечанию обвинителя Додда, к этому моменту «имперский министр восточных областей оказался без областей» (НП V: 174), и в воздухе уже пахло палёным. Но всё же он написал — и просил указаний, как быть дальше (там же). Тома объясняет:

«Не получив ответа на своё прошение об отставке, Розенберг неоднократно пытался поговорить лично с Гитлером, но безуспешно» (НП V: 696).

Допустим (только на время!), что это чистая правда без умолчаний, и попытаемся представить себе этот театр абсурда. Министр, далеко не последний винтик в машине государства, подаёт главе правительства... да что там: любой подчинённый подаёт начальнику заявление об уходе. Начальник не желает ни подписать заявление, ни объясниться, — иными словами, видеть его не хочет. Подчинённый понимает, что ему не доверяют, и... остаётся на высоком посту ещё семь месяцев!

До последнего момента, пока не рухнула вся система вместе с его постом! Возможно ли такое вообще?

Конечно, Розенберг был слабой фигурой. Конечно, сами нацисты относились к нему как к доморощенному мечтателю не от мира сего, способному разве что к сочинительству. Однако одно лишь согласие визировать своей подписью то, что предполагалось творить на оккупированных территориях, уже означало соучастие в преступлениях. Впрочем, в распоряжении трибунала оказались документы, ясно доказывавшие: «партийный философ» не был овечкой, лишь по наивности превращённой в козла отпущения.

Это он подписал план «*Ост*», предусматривавший разграбление экономики и культурных ценностей советских и польских территорий, расчистку «жизненного пространства» для немецких колонистов. Составной частью этого плана были: истребление 20 миллионов одних лишь русских, немецкая колонизация Польши и Белоруссии и «окончательное решение еврейского вопроса» (дежурная фраза нацистской пропаганды, впервые предложенная Р. Вагнером по идее его тестя Ф. Листа, но превратившаяся в конкретный истребительный проект лишь с 1942 г.). Он же отдавал конкретные приказы по выполнению этих задач. Хотя Розенберг был не единственным и даже не главным автором этого плана, но именно его министерство должно было проводить его в жизнь на практике.

Это он подготовил в Норвегии «пятую колонну», выдвинул молодого офицера Квислинга на роль норвежского фюрера и усиленно продвигал его имидж в глазах руководства НСДАП. Апрельская операция 1940 г. по захвату нейтральной Норвегии — во многом его рук дело (Ширер 1991 {1960}: т. II, гл. 20, 2).

Это он на заседании «германского трудового фронта» в ноябре 1942 г. сказал:

«Мы не должны <...> довольствоваться тем, что евреи будут выселены в другое государство и, может быть, там или здесь будет находиться большое еврейское гетто, нет, наша цель должна оставаться прежней. Еврейский вопрос будет решён в Европе и Германии только в том случае, если на европейском континенте не останется больше евреев» (НП VII: 231).

Это он строил планы создания на захваченных землях немецких форпостов, жители которых стали бы «господами» над покорённым населением и в то же время — заложниками нацистской политики. А. Шпеер, по совместительству «придворный архитектор фюрера» (Рагинский 1986: 125), вспоминает: «24 ноября 1941 г., т. е. уже во время зимней катастрофы, гауляйтер Майер, заместитель рейхсминистра по делам оккупированных восточных территорий Альфреда Розенберга, сделал мне предложение возглавить отдел “градостроительство” и разработать планы изолированных городов со всем необходимым для оккупационных гарнизонов и гражданского населения». Правда, Шпеер отказался от этого предложения, но лишь потому, что опасался «обезличенной унификации будущих городов», если их будет разрабатывать только одно ведомство (глава «Начало скольжения вниз»).

Это он, Розенберг, в директиве о задачах германского управления на оккупированных территориях освободил своих заместителей от ограничений в обращении с местным населением и пленными:

«Первой задачей... является проведение интересов империи. Положения Гаагской конвенции о ведении сухопутной войны не имеют действия, так как СССР надо считать

уничтоженным... Поэтому допустимы также все мероприятия, которые германской администрации кажутся необходимыми и удобными» (НП VII: 229).

Его поняли. Да, действительно, «в отдельных случаях Розенберг возражал против эксцессов и зверств, совершавшихся его подчинёнными и особенно Кохом» (см. выше). Но он сам в апреле 1941 г. рекомендовал того же Эриха Коха на пост рейхс-комиссара Москвы (НП VII: 228). На совещании в ставке Гитлера 16 июля 1941 г. его кандидат в наместники захваченных территорий в России вызвал шок даже у нацистов:

«Розенберг заявил, что намерен использовать для этой цели капитана фон Петерсдорфа в силу его особых заслуг (все поражены; кандидатуру единодушно отвергают); фюрер и рейхсмаршал (Геринг) подчеркнули, что нет никаких сомнений в том, что фон Петерсдорф умалишённый» (Ширер 1991 {1060}: т. II, гл.27).

Так не напоминают ли его увёртки персонажа из Мэн-цзы (I,1,3), который, убив человека, оправдывается: «Это не я, это оружие!» (非我也, 兵也)?

1.5. Нацистский преступник №9

*Нельзя связывать одним словом презренного человека с человеком страшным.
Ф. Ницше. Злая мудрость, 114*

Его соперники по части идеологии — Й. Геббельс и Г. Гиммлер — успели покончить с собой до суда. Но идеологию нацизма трибунал не рассматривал: это вызвало бы раздор между самими победителями. Точно так же как процесс над германскими промышленниками, оплачивавшими нацистский режим, был сорван из-за позиции США: пришлось бы говорить о связях их монополий с американскими картелями, реанимировавшими (в рамках плана Дауэса) погибавшую германскую экономику (Рагинский 1986: 23—24). В итоге подсудимым были предъявлены лишь те обвинения, в отношении которых победители были единодушны:

- 1) «общий план или заговор» с целью развязывания войн и военного грабежа;
- 2) преступления против мира — развязывание агрессивных войн, переросших в «войну против всего мира»;
- 3) военные преступления — нарушения правил ведения войны;
- 4) преступления против человечности — террор и геноцид как на оккупированных территориях, так и в собственной стране.

Но и этого в послужном списке Розенберга оказалось с лихвой, хотя о его роли идеолога на суде упоминалось лишь к слову. План «Ост», создание «Эйнзатцгруппа Розенберга» со специальной целью разграбления культурных ценностей оккупированных стран от Ла-Манша до Волги, «акция Сено» по угону молодёжи из СССР в Германию для онемечивания, директивы «германскому трудовому фронту»: «произвол и террор будут чрезвычайно подходящей формой управления» (Рагинский 1986: 90), — чего ещё?

Список обвиняемых по большей части выдерживался в одном и том же порядке — по их значимости. Розенберг в нём занимал шестое место — после Г. Геринга, Р. Гесса, И. фон Риббентропа, В. Кейтеля и Э. Кальтенбруннера, но впереди даже таких зловещих фигур, как глава гитлерюгенда Б. фон Ширах, главный финансист рейха Я. Шахт, министр вооружений А. Шпеер или организатор подводной войны без правил — адмирал К. Дениц. Если поставить в начале трёх главарей, ускользнувших от плена и суда, во главе с «преступником №1» — Гитлером, то оказывает-